

«Новый облик» капитализма как основа историко-социологического анализа эволюции неравенства

Рецензия на книгу: Хаскел Дж., Уэстлейк С. (2024) Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики. М.: ВШЭ

240

Рекомендация для цитирования:
Троцук И. В. (2024) «Новый облик» капитализма как основа историко-социологического анализа эволюции неравенства. Рецензия на книгу: Хаскел Дж., Уэстлейк С. (2024) Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики. М.: ВШЭ.
Социология власти, 36 (3): 240-251
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-240-251>

For citations:
Trotsuk I. V. (2024) The “New Face” of Capitalism as a Basis for the Historical-sociological Analysis of the Evolution of Inequality. Book Review: Haskel J., Westlake S. (2024). Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. *Sociology of Power*, 36 (3) 240-251:
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-240-251>

Поступила в редакцию: 10.09.2024;
принята в печать: 17.09.2024
Received: 10.09.2024; Accepted for publication: 17.09.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

Ирина В. Троцук

Российский университет дружбы народов; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2279-3588

В отличие от поколений, живших в XIX-XX веках в полной уверенности, что за понятием «капитал» не может стоять ничто иное помимо материальных/финансовых средств (особенности распределения которых и составляют суть капиталистического общества), в последние десятилетия классическая историко-марксистская трактовка капитала размывается благодаря все новым уточнениям его «качеств» — отсюда капитал символический, интеллектуальный, социальный, человеческий и пр. С одной стороны, такие эпитеты нередко подвергаются критике как избыточно метафорические, хотя социальные исследователи уже

Информация о финансировании: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

смирились с тем, что «мы не можем думать об экономике только с помощью математики и логики, не используя метафор и историй» [Макклоски 2015: xv], и сосредоточили усилия на «тщательном взвешивании более-менее веских оснований для более-менее вероятных или убедительных выводов... на искусстве находить допустимые убеждения и совершенствовать их в совместном дискурсе» [Макклоски 2015: 2, 10]. С другой стороны, для характеристики нынешнего социально-исторического этапа было введено множество неологизмов (глобализация и глокализация, цифровизация и сетевизация и т. д.), поэтому возникает вопрос, насколько в поисках более точных или новых концептов нам следует опираться на традиционные понятия, лишь дополняя их разъясняющими определениями.

Впрочем, к подобным уточнениям склонны не только социальные исследователи, но и политические деятели, что, например, привело к «нюансировке» прежде весьма однозначной политэкономической дихотомии «капитализм-социализм» в Китае [см. также: Троцук 2020]. Руководство страны заявляет о строительстве «социализма с китайской спецификой», «поддерживая и развивая марксистскую политэкономия, китаизируя и модернизируя ее» [Чжан Юй 2017: 9], и объясняет тем самым превращение Китая в «страну победившего среднего класса» [Линь Ифу 2017] и мощную, динамичную, самобытную экономику, основанную на рыночных силах и частном предпринимательстве, а не в социалистическую державу с государственной собственностью и централизованным планированием, т. е., как оказалось, «капитализм может укорениться и расцвести в откровенно незападном обществе» [Коуз, Ван 2016: 273]. Аналогичные попытки уточнения типа сложившейся капиталистической системы, не соответствующей ее классическим определениям и тем более реалиям «западного рыночного фундаментализма», предпринимались в России в конце 1990-х — начале 2000-х годов: отечественная версия «постсоциалистического капитализма» квалифицировалась как «кооперативная» [Лэйн 2000], «архаическая» [Давыдов 1999], «периферийная» [Явлинский 2003], «номенклатурная» [Szelenyi, Szelenyi 1995], «клановая/олигархическая» [Крыштановская 2002], «государственная» [Родман 2001] и т. д.

Формально подобная проблематика — предмет интереса скорее политологов, историков и экономистов, чем социологов. Однако наша наука оформилась в институционально-дисциплинарном смысле в период модерна в ходе становления урбанизированного капиталистического общества и «с самого начала была исторической дисциплиной в силу тех вопросов, которые задавали ее основатели: ...что такое капитализм? ...Как он трансформирует то, как люди трудятся, воспроизводят себя (биологически и социально), приобретают знания и эксплуатируют природный мир? Какое воздействие эти изменения

оказывают на отношения власти, господства и эксплуатации?» [Лакман 2013: 16]. Поэтому вышедшая на русском языке в 2024 году книга Джонатана Хаскела и Стиана Уэстлейка «Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики» будет интересна социологу как попытка зафиксировать и охарактеризовать новый этап в развитии современного общества: «инвестиции в нематериальные/невидимые активы, такие как дизайн, бренды и программное обеспечение, впервые превзошли вложения в материальные активы», что породило «нематериальную экономику» и изменило систему «экономического неравенства» [с. 4]. Тем более что во многих работах такая задача не ставится или формулируется вполне классически: так, Т. Пикетти включает в понятие капитала в XXI веке «все формы богатства и имущества», сосредотачиваясь на их «истоках и особенно границах между тем, что создается путем накопления, и тем, что создается путем присвоения» [Пикетти 2015: 62]. Хотя рецензируемая книга была впервые опубликована в 2018 году, актуальности она не утратила, поскольку общие тенденции нарастания доли «нематериального» в экономической системе не изменились, а отмеченные авторами достоинства и ограничения новой социально-экономической модели стали лишь более масштабными и более выраженными (видимыми).

242

Для обоснования предлагаемой историко-экономической (и, по сути, социологической) перспективы авторы предельно просто структурировали книгу. За одинокой вводной главой, выполняющей функции предисловия, следуют две части. Первая описывает подъем нематериальной экономики в трех главах, поясняющих «фокус с исчезновением капитала», специфику измерения нематериальных инвестиций и их отличительные черты. Вторая часть по объему значительно больше первой: в семи главах представлены последствия подъема нематериальной экономики — от негативных (усиление неравенства и трудности политического регулирования) до нейтральных (формирование нематериальной инфраструктуры); сюда же входит обобщающая глава, выполняющая функцию заключения. Вряд ли имеет смысл попытка тезисного изложения содержания четырехстраничной книги, напечатанной мелким шрифтом, поэтому попробуем реконструировать ее наиболее важные для социолога тезисы и аргументы.

Авторы начинают повествование с констатации двух принципиальных для них исторических моментов. С одной стороны, людей всегда интересовали вещественные объекты (их ценность и стоимость), и до конца XX века человечество сохраняло уверенность, что «активы большей частью являются вещами, которые можно потрогать руками, а инвестиции подразумевают создание или покупку вещей» [с. 13]. С другой стороны, приоритетный тип активов и инвестиций постоянно менялся (от скота и пахотных земель к фабрикам, а затем к компьютерам), но неизменной оставалась

центральная роль инвестиций/капиталовложений в создании капитала. Рассуждая о «темной материи инвестиций» и «неизведанной территории, образованной современными нематериальными инвестициями», авторы признают, что в исторической перспективе говорить исключительно о материальных инвестициях (капиталовложениях в материальные блага) можно «только во времена Вильгельма Завоевателя» [с. 14], хотя у нас и доминирует впечатление, что «экономика оказалась в зависимости от нематериальных объектов... в 1990-е годы... когда социологи заговорили о “сетевом обществе”, “постфордистской” экономике... и экономике знаний» [с. 15]. На примере корпорации Microsoft авторы показывают, что такое «с точки зрения традиционного бухгалтерского учета... капитализм без капитала... — инвестиции в организационные компетенции, в создание или развитие продуктовых платформ... в исследования и разработки, в дизайн продуктов... в обучение сотрудников» [с. 16].

Принципиальное различие материальных и нематериальных инвестиций — доля труда: для первых не менее важен процесс производства, вторые в гораздо большей степени зависят от труда и социальных технологий, обеспечивающих взаимодействие [с. 50]. Речь идет не о вполне классической констатации наступления постиндустриального общества (изменении соотношения сферы услуг и обрабатывающей промышленности в экономике) — «когда на смену закопченным “сатанинским” фабрикам приходят сервисные предприятия, инвестирующие в системы, информацию и идеи, — фактические данные не столь однозначны... скорее структура экономики будет воздействовать на относительную важность нематериальных активов, но с течением времени ее влияние будет изменяться» [с. 54]. Нематериальные инвестиции авторы делят на три крупные категории, «выводящие на разные типы капитальных активов» [с. 74-75]: компьютеризированная информация (разработки программного обеспечения, создание и ведение баз данных), инновационная собственность (исследования и разработки, проведение развлекательных мероприятий и создание художественных произведений, расходы на дизайн и пр.) и экономические компетенции (обучение, маркетинг и брендинг, реинжиниринг бизнес-процессов). Хотя «порождаемые» активы различаются (содержанием, функционалом, масштабами и доступностью), измерение нематериальных инвестиций требует следующих шагов [с. 78]: оценка расходов; уточнение оценки — расходы только на создание активов длительного пользования; поправка на инфляцию и изменение качества (временной аспект). Общее свойство нематериальных/неосязаемых инвестиций — «отсутствие вещественных форм»: новые технологические идеи, новый дизайн продукта или новая бизнес-идея, длительные или проприетарные отношения, систематизированная информация и т. д. [с. 40].

Авторы называют две главные характеристики нематериальных активов [с. 20]. Во-первых, их игнорирует большинство традиционных экономических подходов, в итоге «мы пытаемся измерять капитализм, не учитывая важную часть капитала». Во-вторых, преобладание крупных нематериальных активов над материальными меняет «поведение экономики», потому что первые близки к безвозвратным издержкам (создаются под нужды конкретной компании, их сложно продать, особенно в случае отсутствия соответствующих рынков), порождают «эффект/тенденцию перелива (положительных эффектов)» (конкуренты могут легко и практически безнаказанно извлечь выгоду из ваших инвестиций, позаимствовав полученные вами «результаты» в виде идей, решений и пр., причем как в одной с вами отрасли, так и в других), быстро подвергаются масштабированию (сравнительно скромные вложения порождают крупные доходы) и имеют синергичный эффект (в правильных сочетаниях более ценны вместе, чем по отдельности, и, в отличие от материальных активов, здесь синергизм более очевиден и менее предсказуем). Соответственно, в нематериальном секторе капиталистической экономики меняется и роль государства (по сути, подразумевается отмена классического принципа «невидимой руки рынка»): например, «если частные предприятия не имеют возможности осуществить нематериальные инвестиции, в которых нуждаются (в первую очередь исследования и разработки), правительство обязано вмешаться и либо предложить прямое финансирование (например, в университете или в государственных лабораториях), либо оказать необходимую поддержку бизнесу, осуществляющему вложения» [с. 129–130].

Во второй части книги последствия все возрастающей роли нематериальных активов и инвестиций на первый взгляд (по формулировкам названий разделов) носят негативный характер, однако авторы делают несколько принципиальных уточнений. Во-первых, «вековую стагнацию» — «тревожное и загадочное падение инвестиций и темпов роста производительности» крупнейших экономик мира — объясняют изменением баланса инвестиций частных предприятий в пользу нематериальных [с. 151–152]: таковые обладают уникальной способностью к почти мгновенному масштабированию (ведущие фирмы все дальше отрываются от отстающих), но почти не отражаются в статистических данных (ошибки в измерениях) — отсюда снижение темпов роста производительности, если проводить однофакторный экономический анализ. На примере сельского хозяйства (производства продуктов питания) показано, как меняется ситуация (инвестиционная «засуха» оказывается не такой уж сильной), если мы рассматриваем «многофакторный рост производительности» не через использование дополнительных экономических ресурсов, а через успешные варианты их объединения

[с. 164], включая увеличение нематериальных инвестиций. Признавая, что пока это скорее гипотеза, чем объяснительная модель (ее доказательство возможно, «если история не “захлебнется” дополнительными исследованиями»), авторы все же настаивают, что «стагнация» последних десятилетий может объясняться различиями в инвестиционном поведении нескольких ведущих фирм (уверенных, успешных, продолжающих вложения и получающих высокие доходы) и множества отстающих (опасающихся неудач и предпочитающих воздерживаться от инвестиций). Разрешить сложившуюся ситуацию авторы предлагают с помощью «институциональной перезагрузки» (осуществляемой государством): нематериальная экономика нуждается в новых институтах, «способных справиться с внутренне присущей нематериальным активам возможностью оспаривания их принадлежности» и сдержат «непропорционально сильные стимулы к высоким расходам на погоню за рентой» [с. 189].

Во-вторых, авторы считают необходимым отказаться от «восторженных ложных обещаний» замены физической инфраструктуры телекоммуникационной и от «утопических предсказаний о смерти расстояний в экономике знаний»: «несмотря на продолжающийся подъем нематериального инвестирования, важная роль капиталовложений в энергетику, пассажирские перевозки и логистику будет сохраняться» [с. 237]. Соответственно, необходим «переход от фазы первоначального радостного энтузиазма к более профессиональному периоду, когда новые технологии начинают применяться, тщательно изучаются и внедряются во многих случаях вместе, а не вместо более знакомой инфраструктуры» [с. 238]. Несколько вскользь (все же книга написана экономистами, а не социологами) авторы упоминают, что, как и любые инвестиции, нематериальные зависят от формальной и неформальной институциональной инфраструктуры, но в значительно большей степени (в силу своей нематериальности) все же именно от неформальной/мягкой, под которой подразумевается уровень социального доверия (сетевое распределение социального капитала) во взаимодействии между людьми/фирмами. «Стандарты и нормы, основанные на доверии и социальном капитале, играют в нематериальной экономике едва ли не главные роли» [с. 256].

В-третьих, это наиболее интересное с социологической точки зрения последствие укрепления нематериальной экономики — «усиление неравенства в богатстве и доходах» [с. 193]: крупным успешным компаниям будет необходим все более квалифицированный персонал, который будет все тщательнее отбираться и все выше оплачиваться; рост доходов этой социально-профессиональной группы повлечет за собой рост цен. Авторы справедливо отмечают, что за последние десятилетия разрыв в уровне богатства/доходов увеличился не только между абстрактными богатыми и бедными, но и по самым разным

критериям (между поколениями, регионами и т. д.). Традиционные объяснения причин роста неравенства варьируют от классической марксистской эксплуатации до новых технологий, глобализации и неолиберальной политики (и их сочетаний). Авторы признают, что все описанные ранее факторы неравенства в той или иной степени сохраняются в современном обществе, но подчеркивают изменение характера развитых экономик вследствие расширения их «нематериального» сектора, поэтому сегодня экономическое неравенство превратилось в «чудовищно многоголовую гидру» [с. 194–195]. В частности, наблюдаются одновременно глобальный рост доходов большинства людей и увеличение разрыва в уровне богатства между богатейшими и беднейшими группами, регионами и странами, что привело к слову исторического тренда: «движение вперед, по направлению к технической рациональности, автоматически должно было бы привести к триумфу человеческого капитала над капиталом в виде финансов и недвижимости, опытных менеджеров — над толстобрюхими акционерами, навыков — над связями... неравенство постепенно становилось бы более меритократическим и подвижным» [Пикетти 2015: 40].

246

Соответственно, для регулирования глобализированного имущественного капитализма в XXI веке «недостаточно переосмыслить налоговую (прогрессивный подоходный налог) и социальную модель (социальное государство) XX века и адаптировать ее к современному миру» — нужны «новые инструменты», например, идеально-утопический «мировой прогрессивный налог на капитал для состояний планеты» как ориентир «для оценки пользы и недостатков альтернативных решений» [с. 593]. Однако позиции Пикетти и авторов расходятся в том, что если последние описывают нематериальную экономику (капитализм без капитала), то Пикетти — «триумф гиперкапитализма после падения советского коммунизма» и начала эпохи цифровизации, т. е. «зияющую пропасть» между бедными и богатыми в классическом смысле разрыва доходов и капиталов [Пикетти 2023а: 7]. В книге речь идет об экономическом и технологическом неравенстве как обретающем новые форматы, механизмы и масштабы, тогда как Пикетти считает неравенство «не экономическим или технологическим (борьба классов), а идеологическим и политическим (борьба идеологий)»: неравенство зависит от «представлений каждого общества о социальной справедливости и экономической честности, а также от относительной политической и идеологической силы противоборствующих групп и дискурсов» [Пикетти 2023а: 15]. «История учит, что уровень неравенства определяется, прежде всего, идеологической, политической и институциональной способностью общества оправдывать и структурировать неравенство, а не уровнем богатства или развития как таковым» [Пикетти 2023а: 135].

Авторы считают наиболее важными и «интересными для людей» три усиливающих вида неравенства: между поколениями, в зависимости от местоположения (районы города или регионы страны) и в степени уважения к достоинству людей (социальное признание). В последнем случае подразумевается «покровительственное и неуважительное отношение со стороны оторванных от реальной жизни, технократических и даже вырождающихся власть имущих» [с. 200], что объясняет подъем популистских политических движений, «способных восторжествовать у избирательных урн и инициировать изменения, которые разрушат глобальную, гиперкапиталистическую, цифровую экономику» [Пикетти 2023а: 8] [см. также: Nikulin, Trotsuk 2022]. Признавая, что традиционные объяснения усиления неравенства (технологический прогресс, внешняя торговля и тенденция к накоплению богатства) «вполне правдоподобны» (удачная характеристика, потому что взаимосвязи здесь не просты, не линейны и не универсальны), авторы обосновывают необходимость дополнения этого перечня ростом нематериальной экономики, который усугубляет неравенство в уровне производительности и прибыльности между предприятиями, а, значит, и между высокооплачиваемыми работниками (прежде всего руководителями) и всеми остальными («культ талантов/менеджеров» или «идолопоклонство лидерству» — результат «фундаментальной ошибки атрибуции») [с. 220]. В свою очередь, увеличение богатства самых состоятельных людей повлекло рост цен на недвижимость (предприятия устремились в крупные города, чтобы использовать эффекты перелива и синергизма), но «тенденция нематериального капитала к географической мобильности затрудняет перераспределение богатства посредством налогообложения» [с. 221].

247

Авторы полагают, что «нематериальная экономика выдвинет на первый план хорошую организацию и менеджмент» по причине необходимости добавочной координации (переливов, масштабирования, синергизма), что обусловит дифференциацию организационных структур и моделей управления в соответствии со специализацией работы (например, создание нематериальных активов требует горизонтальной/плоской организации, автономии сотрудников, меньшего количества целей и сравнительно свободного доступа к начальству; использование нематериальных активов — строгого контроля и широких властных полномочий), а также дополнение инструментов руководства элементами лидерства как «направленного на повышение лояльности работников и мотивирующего их к максимальным усилиям» [с. 326–327].

Следует признать, что кратко суммированные выше положения книги хорошо аргументированы (ссылками на релевантные концептуальные построения и/или эмпирические данные) и снабжены

убедительными метафорами и иллюстрациями. Если же последние в тексте отсутствуют, то нынешние или возможные реалии описаны так, что читатель легко вспоминает общеизвестные примеры (своеобразный график работы программистов, распространение проектного и дистанционного форматов работы, относительное отсутствие дистанции власти как один из факторов успешности Apple и т. д.). Однако у достоинств книги есть и оборотная сторона: многие ее положения тривиальны (скажем, о роли лидерства известно как минимум с середины 1920-х годов благодаря Хоторнским экспериментам под руководством Э. Мэйо, когда говорить о нематериальной экономике не приходилось); другие постоянно повторяются без необходимости; большинство описанных тенденций характерно почти исключительно для очень развитых стран, «с жизненными, трудовыми и потребительскими стандартами, о которых подавляющее большинство населения мира... может только мечтать» [Вайс 2021: 11] (в то время как авторы претендуют на выявление глобальных общезначимых трендов); сельское хозяйство упоминается как показательный пример, но его специфика с точки зрения развития нематериальной экономики игнорируется, хотя многие страны сегодня представляют «гибридные образования, в которых традиционные сельскохозяйственные практики сосуществуют с постиндустриальными городами», и потому говорить об универсальных трендах вряд ли возможно — скорее о смещении «пространственных, социальных, экономических и политических мутаций» [Виссер 2022: 22].

248

Отчасти авторы признают ограничения своей работы, отмечая «неизбежную спекулятивность» описанных последствий развития нематериальной экономики и заявляя лишь о «попытке помочь объяснить некоторые актуальные экономические проблемы и найти правильные ответы... в переходе к нематериальным активам» [с. 392]. Книге явно недостает междисциплинарной перспективы и фокусировки на кейсах (в сравнении с Пикетти, рассмотревшего режимы (не)равенства на «кейсах» Индии, Франции и Восточной Европы [Пикетти 2023а; 2023б]), что позволило бы авторам сформулировать более реалистичные рекомендации. Пока таковые имеют слишком размытый характер, как, скажем, призыв к государствам/правительствам «помочь быстрому развитию нематериальной экономики», «сосредоточив усилия на развитии доверия и сильных институтов, расширении их возможностей, смягчении сеющих рознь социальных конфликтов и установлении барьеров, которые затрудняли бы самым сильным фирмам погоню за рентой» [с. 386]. Пожелание, безусловно, благое, но, во-первых, перечисленные «меры» призваны способствовать развитию нематериальной экономики, которая, как утверждается, «усугубляет проблемы [решаемые этими мерами]»; во-вторых, непонятно, как очень разные государства должны реализовывать эти

«меры» и что мешало им сделать это ранее; в-третьих, вряд ли принципиальные задачи социально-экономической политики изменились в нематериальной экономике, поэтому уверенность авторов, что последовательная реализация предложенных шагов «ведет к величайшему процветанию», вызывает сомнения (кстати, индикаторы процветания у разных обществ тоже не всегда совпадают).

Традиционной характеристикой социологии давно стала междисциплинарность, под которой, как правило, подразумевается, что социологическое знание исторически и содержательно опирается на наработки смежных дисциплин. С одной стороны, междисциплинарный статус расширяет предметное поле социологических исследований, легитимируя наши терминологические, методологические и предметные заимствования: «Знание истории и экономики слишком важно, чтобы оставлять его историкам и экономистам» [Пикетти 2023а: 23–24], а «экономические проблемы слишком важны, чтобы отдавать их на откуп горстке специалистов и управленцев» [Пикетти 2023б: 6]. С другой стороны, из преимуществ междисциплинарности вытекают и высокие требования к нашей работе, особенно когда речь идет об исторической социологии, в рамках которой мы претендуем на своего рода метаанализ истории в макросоциологических категориях (веберовских идеально-типических конструкциях), «социологи могут внести свой вклад в понимание происходящих изменений, тщательно сравнивая истории стран с разными культурными традициями, систематически используя все доступные ресурсы и изучая эволюцию неравенства, политических и идеологических режимов в разных частях света. Такой сравнительный, исторический, транснациональный подход может помочь сформировать более точную картину того, как может выглядеть лучшая политическая, экономическая и социальная организация и особенно как может выглядеть лучшее глобальное общество» [Пикетти 2023а: 23–24]... Для реализации такого историко-социологического подхода необходим междисциплинарный «запас знания», и рецензируемая книга помогает сформировать его экономический блок, показывая причины, факторы и последствия трансформаций прежних моделей неравенства.

Библиография/References

Вайс Х. (2021). *Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение*. Пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— Weiss H. (2021). *We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us*. Transl. from English by N. Protsenko; ed. by A. Smirnov. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. — in Russ.

Виссер Р. (2022). *Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая*. Пер. с англ. Н. Проценко. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика.

— Visser R. (2022). *Cities Surround the Countryside: Urban Aesthetics in Postsocialist China*. Transl. from English by N. Protsenko. Saint Petersburg: Academic Studies Press/Bibliorossika. — in Russ.

Давыдов Ю. Н. (1999). Куда пришла Россия: два типа капитализма. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2(1): 90–102. EDN: ONCEMT

— Davydov Yu.N. (1999). Where Russia has come: Two types of capitalism. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2(1): 90–102. — in Russ.

Коуз Р., Ван Н. (2016). *Как Китай стал капиталистическим*. Пер. с англ. А. Разинцевой. М.: Новое издательство. EDN: YSKJKX

— Coase R., Wang N. *How China Became Capitalist*. Transl. from English by A. Razintseva. Moscow: New Publishing House. — in Russ.

Крыштановская О. В. (2002). Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002. *Социологические исследования*, 8: 17–29. EDN: MPKWLT

— Kryshstanovskaya O. V. (2002). Transformation of the Russian business elite: 1998–2002. *Sociological Studies*; 8: 17–29. — in Russ.

250

Линь Ифу (2017). *Демистификация китайской экономики*. Пер. с кит. Л. А. Ивлева. М.: «Шанс».

— Lin Yifu (2017). *Demystifying the Chinese Economy*. Transl. from Chinese by L. A. Ivleva. Moscow: “Chance”. — in Russ.

Лэйн Д. (2000). Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством. *Мир России*, 9(1): 3–22. EDN: YTQRIP

— Lane D. (2010). The transformation of state socialism in Russia: From “chaotic” economy to state-led cooperative capitalism. *Universe of Russia*; 9 (1): 3–22. — in Russ.

Макклоски Д. (2018). *Риторика экономической науки*. Пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. М.–СПб.: Издательство Института Гайдара. EDN: VLRINT

— McCloskey D. (2018). *The Rhetoric of Economics*. Transl. from English by O. Yakimenko; ed. by D. Raskov. Moscow–Saint Petersburg: Gaidar Institute Publishing House. — in Russ.

Пикетти Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. Пер. с англ. А. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс. EDN: VGMFFF

— Piketty T. (2015). *Capital in the Twenty-First Century*. Transl. from English by A. A. Dunaev. Moscow: Ad Marginem Press. — in Russ.

Пикетти Т. (2023а). *Общества неравенства*. М.: «Родина».

— Piketty T. (2023a). *Capital and Ideology*. Moscow: “Homeland”. — in Russ.

Пикетти Т. (2023б). *Краткая история равенства*. Пер. с фр. В. М. Липки. М.: Издательство АСТ.

— Piketty T. (2023b). *A Brief History of Equality*. Transl. from French by V. M. Lipka. Moscow: AST Publishing House. — in Russ.

Родоман Б. (2001). Идеальный капитализм и российская реальность. *Неприкосновенный запас*, 3: 22–29.

— Rodoman B. (2001). Ideal capitalism and Russian reality. *Emergency Reserve*; 3: 22–29. — in Russ.

Троцук И. В. (2020). Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда». *Социологическое обозрение*, 19(2): 310–347. EDN: DDVWAO. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-310-347>

— Trotsuk I. V. (2020). Discursive representations of the (capitalist) results of the “Chinese economic miracle”. *Russian Sociological Review*; 19 (2): 310–347. — in Russ. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-310-347>

Чжан Юй (2017). *Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость*. Пер. с кит. В. А. Ефановой. М.: «Шанс».

— Zhang Yu (2017). *China's Economic Reform: Experience and Implications*. Trans. from Chinese by V. A. Efanova. Moscow: “Chance”. — in Russ.

Явлинский Г. (2003). *Периферийный капитализм: лекции об экономической системе России на рубеже XX-XXI веков*. М.: «Интеграл-Информ». EDN: QQCEQZ

— Yavlinsky G. (2003). *Peripheral Capitalism: Lectures on the Russian Economic System at the Turn of the 21st Century*. Moscow: “Integral-Inform”. — in Russ.

251

Nikulin A., Trotsuk I. (2022). Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below”. P. Pospěch, E. M. Fuglestad, E. Figueiredo (Eds.). *Politics and Policies of Rural Authenticity*. Routledge. pp. 77–93.

Szelenyi I., Szelenyi S. (1995). Circulation or reproduction of elites during the post-communist transformation of Eastern Europe: Introduction. *Theory and Society*; 24 (5): 615–638. <https://doi.org/10.1007/BF00993400>

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Научные интересы: методология социологических исследований, текстовый анализ, современные социологические теории.

ORCID: 0000-0002-2279-3588. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Irina V. Trotsuk — DSc (Sociology), professor, Sociology Department, RUDN University; senior researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research interests: methodology of sociological research, textual analysis, contemporary sociological theories.

ORCID: 0000-0002-2279-3588. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru